

ИСТОКИ, ИСТОРИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Перевод фрагмента из книги: Padoux A. Comprendre le tantrisme. Les sources hindoues. Paris, 2010. P. 42–58. Автор перевода: Андрей Игнатьев

Как мы увидели, трудно дать определение тантрическому феномену, равным образом затруднительно проследить его историю, по крайней мере, на основе того небольшого числа источников, которыми мы располагаем. А значит, в этой главе будут представлены скорее умозаключения или гипотезы, чем несомненные факты. Несмотря на всё это, можно выявить важность феномена, который на протяжении длительного времени глубоко влиял не только на религии, но и на историю и сам уклад жизни обществ Южной и Юго-Восточной Азии.

Истоки

Нередко утверждают, что у индийцев нет чувства истории. Не будучи неверным, это мнение, тем не менее, не является совершенно точным, но несомненно, что для древнейшего периода нам совершенно не хватает документальных источников. Что можно сказать об истоках феномена Тантры? По меньшей мере, можно утверждать два факта: во-первых, противоположность тому, что воображают некоторые, в ведах нет ничего тантрического, во-вторых, несмотря на то, что иногда писали индийские авторы, тантризм, по всей вероятности, появился в Индии и, без сомнения, это произошло давно.

Что касается вед, то, конечно, в ведизме, то есть в текстах, начиная от Ригведы и до древнейших упанишад (называемых ведийскими и датированными VII–III вв. до н.э.) элементы, которые займут важное место в тантризме. Таков случай теоретических построений на тему космической роли и телесного присутствия слова (вач), наряду со значимостью мантр

(даже если слово «мантра» не обладает в ведах тем же смыслом, что и в тантрах, хотя случается, что ведийские мантры используются в тантрических обрядах). Равным образом это случай соответствий макро- и микрокосма (и «мистической физиологии», говоря словами Элиаде), сексуального символизма или ещё, что относится к совершенно другой области, представлений о царской власти, можно было бы назвать и другие примеры. Но эти понятия содержатся здесь только в зародыше или, по крайней мере, без какой-либо из форм развития, которые они получают позже в тантрическом мире. Веды и Тантра это две разные вселенные. Но при этом несомненно, что ведийский мир и тантрический мир, если они следуют друг за другом во времени, развились на одной и той же почве, а значит, естественно имели точки соприкосновения. Тантризм не отменил социорелигиозные ценности, имеющие ведийскую основу. Он стремится только их превзойти. Можно также отметить, что отношение тантризма к миру, чью значимость он признаёт, также как и его крайний ритуализм, ближе к ведам, чем дух отрешения и антиритуализм, присущие упанишадам и древнему буддизму. Однако, это не мешает множеству тантрических текстов проповедовать отказ от обрядности и отрешение. Это может показаться противоречивым, но это правда. Впрочем, и в остальном противоречий немало. Религиозная жизнь в Индии постоянно обновлялась, но сохраняя при этом преемственность с прошлым, без разрыва.

Откуда же происходит феномен Тантры? Многочисленность культов женских божеств и важное значение, придаваемое понятию энергии, шакти, имеющей женскую природу, являются для некоторых подтверждением идеи, что различные тантрические понятия и практики якобы берут своё начало в Индийской цивилизации. Но для этого нет никаких доказательств, к тому же не доказано существование культов богинь в Мохенджо-Даро и Хараппе. Были также и ведийские богини. С другой стороны, главным образом культ женских форм божественного присущ, и это несомненно, народному индуизму, каковым мы можем видеть его ещё и сегодня. Конечно, судя по

текстам, которые написаны на санскрите, теоретические построения и практики Тантры предназначаются для образованных и грамотных людей. Кроме того, они являются инициатическими, тайными. А значит, придавать им народное происхождение спорно, хотя имеются праздничные тантрические обряды, в которых принимают участие население. Кроме того, имеются точки соприкосновения между некоторыми тантрическими культурами и тантрическими практиками, а, стало быть, можно подумать об их сопоставлении.

Я склонен утверждать, что здесь мы имеем дело с двумя проявлениями одного и того же индийского наследия. Одно из них – народное, всеобщее (более связанное с почвой), а другое – интеллектуальное, ограниченное узкими кругами (с индоевропейскими связями), и контакт того и другого, их взаимное наложение привели к появлению на окраинах ведийской и брахманской ортодоксии теоретических построений и практик, чей набор образует тантризм. Без сомнения, их основа относилась главным образом к брахманской ортодоксии – аскетизм столь же стар, как и Индия; важность же, придаваемая миру, является ведийской чертой, возникшей в местной среде, среде народных культов. Они носили на себе её следы и таким образом приобрели посредством сочетания этих двух основ особые характеристики, которые позже назовут «тантрическим» (нам представится возможность увидеть, что во многих областях имеется преемственность от учёного, санскритского к народному).

Некоторые отвергнут эту гипотезу, хотя бы потому, что обращение с целью дать объяснение к субстрату зачастую оспаривается. Тем не менее, как бы то ни было, оно не кажется мне лишённой всякого правдоподобия; мы увидим факты, которые склонны её подтвердить.

Присутствие этого древнего наследия помогло бы, к тому же, объяснить всеобщее распространение тантризма в Индии. Я добавлю, что, какой бы спекулятивной она ни была, эта гипотеза более правдоподобна при рассмотрении как древнеиндийской реальности, так и современной, чем

иногда выдвигаемая идея шаманского или центральноазиатского происхождения тантризма. В тантрических культурах и верованиях нет ничего шаманского, и нет никаких исторических оснований полагать, что они происходят не из Индии, если только намеренно не помещать место их происхождения куда-либо вовне Индии, находя их отвратительными. Вполне возможно, что дравидская Южная Индия сыграли заметную роль в возникновении феномена Тантры.

Некоторые исторические свидетельства

Очевидно, не осталось и следа от первых небольших инициатических групп, в которых, как предполагают, зародился тантризм. Стало быть, самые ранние свидетельства о существовании Тантры, которыми мы располагаем, отражают более поздний этап развития этого феномена. Они восходят к первым векам до н.э.

Одним из самых древних – на которое всегда ссылаются – возможно является надпись из Гангадхара в Центральной Индии, её дата соответствует для нас 423– 424 гг., и здесь упоминается воздвижение храма Матерей (матери), женских божеств, описываемых как издающие ужасные крики и волнуемые воды океанов мощным дуновением, «исходящим из тантр» (тантродбхута), при этом данный храм населён дакини, богинями, которые, подобно Матерям, часто появляются в тантрическом пантеоне. Все иные известные нам свидетельства из Индии, более или менее поддающиеся датировке и подтверждающие существование тантрических божеств, относятся к VI–VII вв. или более позднему времени. Некоторые храмы йогини в Ориссе были построены, возможно, в VIII в. Что касается литературных свидетельств, то в «Брихатсамхите», крупном трактате по астрологии, датируемом, возможно, VI в., упоминается культ множества Матерей (матригана); в театральной пьесе Бхавабхути (VIII в.) описываются тантрические обряды.

Точную ссылку, которую часто упоминают, содержит стелла Сдок-Как-Тхом в Камбодже, датируемая 1052 г., где сообщается, что некий брахман, «сведущий в сиддхи» (в сверхъестественных способностях) принёс культ бога Тумбуру вместе с четырьмя важными тантрами (Саммохана, Найоттара, Сирасчхеда и Винашика) во время правления Джаявармана II, а значит, в начале IX в. (если эта дата точна), – это могло бы подтвердить, что эти тантрические тексты и связанные с ними культы в ту пору уже существовали начиная с некоторого времени. В VII в. появились надписи пашупатов, шиваитской «прототантрической» секты. Заметно более древними являются, возможно, китайские документы, касающиеся царства Фу-Нань и санскритские надписи из Чампы, показывающие существование в V в. в этой области индокитайского полуострова шиваитских культов, которые, возможно, были тантрическими.

Что касается Индии, то иногда высказывали предположение, что некоторые из шиваитских или вишнуитских тантр, агам и самхит, которые находятся в нашем распоряжении и составляют текстовую базу тантрического учения, восходят, возможно, к IV в., что не является невозможным, хотя ныне считают, что они датируются скорее V–VI вв., но без того чтобы это точно установить. Самые ранние рукописи, поддающиеся датировке, которые содержат тантрические тексты, относятся к IX в., но фрагменты текстов, обнаруженных в Гилгите, восходят к VII в. – стоит ли говорить, что уверенности в этом нет.

Очевидно, что культ или учения могут существовать, вероятно, даже длительное время до того, как их упомянут в письменных источниках или придадут им официальный характер в надписи. Стало быть, нельзя делать вывод об их отсутствии до появления таких материальных свидетельств. Итак, если ограничиться индийскими источниками, можно предположить, что феномен Тантры восходит к V в., и именно это мнение является общепринятым в наши дни. А если всё-таки учитывать ссылки источников за пределами Индии, таких как те, что только были упомянуты нами, можно

было бы сделать вывод о присутствии тантрических культов и текстов в Индии с IV в. н.э.

Как бы то ни было, очевидным является присутствие феномена Тантры почти по всей территории Индийского субконтинента с VIII или IX в. Кашмир был его особенно важным и блистательным центром, впрочем, для буддизма столь же, что и для индуизма, поскольку эти две сферы почти неразделимы. Некоторые из наиболее крупных индийских философских и религиозных произведений (и также литературных и исторических) происходят отсюда; это процветание продолжалось до XIII в. Оно не исчезло целиком и впоследствии: культы здесь сохранились и известно, что шиваитские пандиты продолжали здесь учить вплоть до наших дней. Бенгалия, центр и юг Индии также являлись регионами, где процветала Тантра, о чём свидетельствуют письменные источники, но вдобавок и более наглядно – местные религиозная архитектура и искусство нескольких столетий.

В целом можно утверждать, что звёздный час тантризма в Индии охватил период с VIII по XIV вв. В процессе своего распространения тантризм эволюционировал. Отныне, не будучи ограничен небольшими эзотерическими и трансгрессивными группами аскетов и распространяясь всё шире, он одновременно принимал более умеренные формы и обогащался. Подвергнувшись «брахманизации», он «тантризовывал» индуизм, преобразуя его повсеместно и образуя в некоторых отношениях его тайное население.

География, распространение

С географической точки зрения, как с исторической, мы не располагаем точными сведениями ни об истоках тантрических практик и теоретических построений, ни об их распространении в Индии. Кажется, они были представлены относительно рано по всему субконтиненту. Потому ли, что они появились в одну и ту же эпоху в различных местах в образе сходных инициатических групп? Или потому, что эти группы быстро

распространились повсюду? Если да, то каков был способ их распространения? Трудно сказать об этом. Возможно, их могли, как думают некоторые, распространять странствующие аскеты, которых можно увидеть и поныне в современной Индии. Связь между тантризмом и монархией также должна была сыграть свою роль.

Что касается места их происхождения, как правило, допускают, что они (инициативные группы) появились и развивались вначале в северных, гималайских районах Индии. Среди прочего, если не доказательством, то, по меньшей мере, указанием на это является тот факт, что три из четырёх главных культовых центров питх, являющиеся общим достоянием шиваитских традиций кулы (которые образуют важный, а во многих отношениях главный элемент тантризма) расположены в этой области. Наиглавнейший среди них, Уддияна, находится в гималайской долине реки Сват, которая является для шиваитов-махаянистов, в большей или меньшей степени, легендарным местом зарождения их традиций. Более значительным, возможно, является факт, что Кашмир достаточно рано был живым центром тантрического шиваизма и тантрического буддизма. Бенгалия и Ассам, расположенные на противоположном конце гималайской дуги, равным образом были областями распространения буддийских школ, а затем и индуистов-сахадиев (очень активных в VII–IX вв.), и тантризм здесь жив и поныне. Наконец, в Непале буддизм и индуизм были очень рано «тантризованы» и остаются таковыми до сих пор.

Также именно в Непале были обнаружены наиболее древние тантрические рукописи (поскольку климат здесь более благоприятен, чем в Индии, для их сохранения).

Джаяратха, комментатор Абхинавагупты, в XII в. утверждал, что мадхьядеша, что можно понимать как «центральную область Индии», была местом происхождения всех священных текстов: шастр, то есть тантр. И именно в этом регионе (ныне штат Мадхья Прадеш) был расположен Гангдхар, с его важной надписью, относящейся к 424 г.н.э. Неподалёку

отсюда находятся храмы Кхаджурахо (X–XI вв.), воздвигнутые монархами из династии Чанделла. По своей структуре и орнаментации эти храмы представляются совершенно тантрическими. В Кхаджурахо, также как и в соседней Ориссе, в ту же самую эпоху были воздвигнуты храмы, посвящённые йогини, грозным тантрическим божествам. От них до наших дней дошло очень мало – а именно храм в Бхерагхате, необычное святилище круглой формы с двадцатью пятью статуями йогини, однако когда-то эти храмы были многочисленны, свидетельствуя о влиянии данных богинь в этих местах. В Удждаине, также расположенном в Мадхья Прадеше, по свидетельству китайского паломника Сюань Цзана (683–727 гг.) существовал культ Бхайравы-Махакалы, окружённого дакини, – культ, который, впрочем, здесь жив до сих пор. В эту же самую эпоху Бана в своём романе «Кадамбари» помещает в Удждаин царицу, носящую амулеты, совершающую магические обряды и вызывающую Матерей, что воскрешает в памяти совершенно тантрическую атмосферу.

Ближе на юг, в стране тамиллов, с VI или VII вв. существовала шиваитская тантрическая традиция читтаров (сиддхов, эту категорию мы снова встретим позже). Карнатака, где сегодня находятся многочисленные храмы Богини, в прежние времена, кажется, также была регионом со значительным влиянием Тантры. Впрочем, по мнению некоторых индологов именно на юге субконтинента, в среде низших каст, отверженных, следует искать истоки феномена Тантры. Заметим, наконец, что, с XII в. существовала «кашмирская» традиция шиваитского южноиндийского тантризма, к которой принадлежали важные авторы и которая существует до сих пор.

Надо напомнить здесь, что, начиная с определённого периода (VIII в.?), религиозная индуистская архитектура отмечена влиянием тантризма: как мы увидим, правила возведения храмов и правила, касающиеся изображения божеств – идёт ли речь об их изготовлении, размещении или освящении – содержится главным образом в агамах или тантрах. Этот момент следует

запомнить. Заметные и в наше время древние культовые места кажутся мне показывающими укоренённость тантризма в индийской реальности: в пейзажах Индии, в жизни индийцев, которые видят здесь и почитают на публичных церемониях образы, имеющие тантрическое происхождение; так же обстоят дела и в домашнем культе. Между тем, индийцы, как и мы, живут в мире, сотканном из конкретных или мысленных образов: то, что они могли быть тантрическими, естественно, влияло на их жизнь.

Говоря об этом, следует заметить, что в то время как некоторые исторические, текстовые или иконографические ориентиры нам доступны, мы, почти ничего не знаем о древней социальной среде, в которой возникали и распространялись тантрические тексты и которая бы только позволила лучше понять природу их содержания и то, что они могли в ту пору означать. Каков был вес текстов и влияние образов? В какой социальной среде, среди членов каких каст, среди какого рода аскетов, отрешившихся от мира, могли изначально возникнуть, а затем развиться и распространиться в обществе тантрические культы? Каким образом тантрические представления и практики перешли от их первоначальных, инициатических, ограниченных кругов к более широким социальным слоям, и какие изменения этому сопутствовали. Это вопросы, на которые невозможно точно ответить, даже если, как мы увидим, можно ощутить важность связи между религиозными и политическими явлениями.

В отношении того, что известно о феномене Тантры, имеется факт, что он не ограничился Индийским субконтинентом. Вместе с индийским религиозным и политическим влиянием в различных формах феномен Тантры распространился в значительной части азиатского мира. На Тибете буддизм был воспринят именно в тантрической форме. Тантрический буддизм далее распространился в Монголии, в Центральной Азии по Великому шелковому пути, также как в Китае, о чём свидетельствует, например, остатки фресок из Хотана и Турфана или некоторые манускрипты

из *Dunhung*. Он проник в Японию, где до сих пор живы важные тантрические секты и учреждения.

Именно монахи, прибывшие из Индии, и в особенности из Кашмира, стали движущей силой этой самой ранней экспансии. Как мы говорили, китайские документы, надписи, а также сохранившиеся детали иконографии свидетельствуют равным образом о значимости тантрического присутствия, как индуистского, так и буддийского, на Индокитайском полуострове. Это присутствие приняло здесь весьма блистательные формы (представить только кхмерскую цивилизацию в Ангкоре), продолжившись вплоть до XIV в. В Индонезии присутствие буддизма махаяны засвидетельствовано с VIII в. на Яве, где он оставил известные нам следы (в частности, Боробудур, буддийское сооружение, воздвигнутое на фундаменте индуистской постройки). Затем в X в. сюда пришёл и сосуществовал с ним тантрический шиваизм, заметный также на Бали. Таким образом, было несколько веков «тантризации» Азии.

Существовала ли тантрическая цивилизация?

Помимо текстовых, эпиграфических и иконографических свидетельств, показывающих проникновение Тантры в религию и философскую мысль Индии, присутствие, влияние Тантры идёт намного дальше: она наложила отпечаток на весь индуистский или индуизированный мир, затронув, помимо религии, также и социальную сферу, и некоторые аспекты его политической структуры. Этот аспект слишком часто оставляют без внимания. Востоковеды, работая, прежде всего, с текстами, склонны забывать, что эти последние появились и использовались не в абстрактном пространстве, но в особой социальной и политической среде, которая их породила, наложила на них свой отпечаток, и на которую затем они воздействовали, способствуя её изменениям. Эта среда сама обратным образом придала им (текстам) их подлинное значение. «Интересоваться богами означает только лишь говорить о людях», – сказал один антрополог: именно люди создали богов – частью по

своему образу и подобию. Такие взаимодействия мы ясно видим происходящими в наши дни.

Исторически тантризм получил вначале распространение в обществе. Тантрические культы вместе с их первыми священными текстами, если считать, что они появились в небольших инициатических группах на окраинах брахманического мира – визионерские и трансгрессивные культы, магические обряды, практиковавшиеся «виртуозными» аскетами-эзотериками, – понемногу распространялись, проникая в более широкие слои общества. Они распространились среди людей, отрешившихся от мира, «домохозяев или глав семей» (грихастха), принимавших (по меньшей мере, тайно) определённые верования, даже самые «крайние», но внешне придерживавшихся только практик, которые были совместимы с устоями кастового общества. За отсутствием документов мы не в состоянии проследить развитие этого социального феномена. По правде говоря, мы можем скорее сделать подобный вывод, чем подтвердить его существование. Мы не знаем, как и в каких условиях смог произойти этот переход от трансгрессивного радикализма меньшинств к широкому присутствию в более умеренных, «рутинных» формах в рамках сложившегося общественного порядка.

Можно лишь увидеть результат этого в распространении тантризма. Очевидно, все индуисты не стали тантриками – и к тому же тантрические тексты являются трансгрессивными в неравной мере, а некоторые вообще не являются таковыми. Но индуисты в целом всё больше либо отправляли домашние культы и обряды, чья первоначальная природа или форма являются тантрическими (поклонение одному из аспектов Богини, например), либо участвовали в тантрических культах, отправляемых жрецами – тантрическими посвящёнными в храмах, воздвигнутых и обставленных образами божеств в соответствии с предписаниями тантр (шиваитских или вишнуитских) или других текстов этого рода. Культ божеств, пуджа, такой, как он отправляется, в частности, в храмах, является

тантрическим по своей форме и духу. Индуистский пантеон, как мы увидим, также в весьма значительной степени является тантрическим, даже если большинство верующих составляют не тантрики.

Ставшее, таким образом, общим достоянием наследие Тантры более не окутано тайной и не связано с нарушением норм. Отныне Тантра составляет только эзотерическую часть, «твёрдое ядро», как говорят иногда, часть сокращённую, малозаметную, но остающуюся существенно важной, потому что она сформировала изначальную основу. Её дух на протяжении веков проникал и направлял религию и даже некоторые аспекты личного поведения среднего индуиста. Как мы уже отмечали, в религиозном плане начиная с достаточно раннего периода и вплоть до наших дней существовало два уровня феномена Тантры, один – усиленный, трансгрессивный, ограниченный узкими кругами, другой – общераспространённый, смягчённый, но, тем не менее, обладающий основополагающим характером. Этот двойной аспект нужно всячески подчеркнуть, так как он придаёт феномену тантры сложность и двусмысленность.

Распространение Тантры имело также совершенно важный политический (и даже экономический) аспект. В местных индуистских княжествах, которые возникли в Индии после эпохи Гуптов (начиная со времени около VII в.) и существовавших, по меньшей мере формально, вплоть до нынешних времён, монарх традиционно рассматривался как божественное существо – это весьма древняя брахманическая концепция. И в этом была основа его власти. Обозначение дева – «бог» прилагалось к монарху как к божеству, и с тех пор сами божества стали играть роль в жизни государства. Монарх получал посвящение благодаря тантрическому обряду, раджабхишека, сопровождаемому чтением тантрических мантр, благодаря аналогичному обряду происходило посвящение в духовные учителя. Будучи воплощением бога, он символически заключал брак с богиней, чаще всего Дургой. Таким образом, его власть опиралась на силу, шакти, богини, йогини и матерей, могущественных и грозных тантрических божеств. Именно это

можно было видеть до упразднения монархии в Непале, где Кумари являлась воплощением тайной королевской богини, Таледжу, и король подле неё каждый год обновлял свою мощь.

Монарх, который жил во дворце, воздвигнутом в соответствии с предписаниями текстов Тантры, совершал обряды и использовал тантрические мантры, чтобы утвердить свою власть и, в частности, чтобы одержать победу над врагами. Рядом с ним был раджагуру, тантрический наставник. Его жрец (пурохита) был брахманом и инициированным тантриком – чаще всего, шиваитом. Кроме того, он был окружён ачарьями, духовными учителями, в большей или меньшей степени занимавшимися магией, которые использовали учение тантр для блага монарха. Усиленная и динамизированная таким образом царская власть традиционно опиралась на храм, который воздвигался в соответствии с агамическими правилами и обряды в котором отправлялись ради благополучия монарха и государства. Монарх представлял в этом отношении как жрец *par excellence*.

Главной в этой божественной и территориальной концепции индуистского монарха являлась идея мандалы: государство представлялось как теоретически круглая диаграмма, чьим центром является монарх – формулировка, остававшаяся официальной в Непале до совсем недавнего времени. С этой же самой точки зрения тантрические богини представлялись только подле монарха. Населяя мандалу, это были также куладеви, богини рода или клана или кшетрадеви, богини местных территорий, где их культ укреплял их мощь, – здесь также заметна социальная, политическая укоренённость тантрических божеств. Обряды или предписания тантрического шиваизма стали применяться при планировке городов, при ирригации или при воздвижении различных конструкций.

Посредством этих религиозно-политических установлений, где власть священна, где человеческое пространство связано через власть с божественным, через участие населения в ритуальных манифестациях находил своё проявление, таким образом, тантрический мир или, по крайней

мере, мир, связанный с трансцендентностью, отмеченной во многих своих аспектах тантрическими представлениями и практиками, главным образом шиваитскими. Именно этот же мир из Южной Индии был принесён вместе с культом божественного монарха в Фу-Нан и в Камбоджу, а из Ориссы – в Индонезию. Добавим к этому, что на Тибете, в Китае и в Японии в буддийской среде тантрические обряды (скопированные главным образом с шиваитских моделей) использовались для поддержания власти. А значит, именно цивилизация, настоящий тантрический мир, существовала на протяжении столетий в Индии и во всей индуизированной Азии, и следы её можно ещё иногда обнаружить и в наши дни.